

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

Въ 69-мъ М. Дювникова читатели наши прочтутъ фельетонъ нашего петербургскаго корреспондента о новой драмѣ г. Чехова «Ивановъ». Мы лично, съ одной стороны, не имѣемъ согласія съ разсужденіями и выводами автора «петербургскихъ писемъ», съ другой, хотимъ установить на послѣднее произведение Чехова другую точку зрѣнія, а потому и рѣшаемся настоящимъ намъ фельетонъ посвятить опять тому-же предмету. Намъ думается, что читатель вышѣ на то не поспѣетъ, такъ какъ драма г. Чехова, по нашему мнѣнію, есть одно изъ выдающихся литературныхъ произведений послѣдняго времени, а среди той дребедени, которую театральные дѣла мастера и дносятъ публикѣ подъ видомъ драмы и комедій, пьеса г. Чехова представляетъ очень и очень незаурядное явленіе. Поэтому, одна лямная бѣсѣда о ней представляется вѣдѣи уместной.

Но, прежде всего, намъ кажется необходимымъ установить вѣкторіи общія положенія относительно драматическихъ произведений, чтобы тѣмъ самымъ предупредить кое-какія возраженія, съ которыми намъ пришлось-бы считаться при дальнѣйшемъ изложеніи. Читателю эти положенія могутъ показаться заученными, но что же дѣлать, если мы переживаемъ такое время, когда изъученныя вѣторы приходится доказывать.

Всякое художественное произведение становится болѣе совершеннымъ, производя болѣе глубокое впечатлѣніе тогда, когда авторъ, не отступая отъ истины, изображаетъ передъ читателями какое-нибудь общественное явленіе наиболее ярко и выпукло, когда онъ не отягивается въ сторону отъ задуманной идеи, не путается въ подробностяхъ, не вырываетъ детально не нужные въ дѣлу аксессуары. Дѣйствительная жизнь въ своемъ естественномъ теченіи приоткрываетъ перемѣшиваясь важное съ пустяками, главное съ второстепеннымъ, шепчущу съ плесками, трагедию съ водевилемъ, и фотографическое ея изображение не можетъ носить названіе творческаго произведенія. Художникъ-творецъ беретъ изъ жизни то, что ему нужно, комбинируетъ необходима для его цѣли явленія и воспроизводитъ цѣльный и художественный

образъ. Образцами художественнаго творчества могутъ служить въ нашей литературѣ романы и повѣсти Тургенева, гдѣ, быть можетъ, не найдется на одной не-мужской подробности, ни одного лишняго образа.

Драматическое произведение, уже по самой формѣ своей, еще болѣе должно подчиняться этому условію. Второе лицо, диалогъ, сцена, не выходящая при этомъ отъ роли въ развитіи дѣйствія, не соответствующія главной мысли автора, отвлекаютъ вниманіе зрителя и ослабляютъ впечатлѣніе, какое авторъ желаетъ произвести. Поэтому, въ драматическомъ произведеніи фабула должна быть сконцентрирована, краски ярче и гуще, изображение жизни выпуклѣе и, такъ сказать, прямолинейнѣе. Грѣбодовъ въ «Горѣ отъ ума» воспроизводитъ передъ нами яркую изображеніи жизни московскаго «добраго стараго времени», Гоголь въ «Ревизорѣ» далъ намъ выпуклые образчики чиновничьяго захолустнаго міра. На то же и другое сыпался обивка не въ преувеличеніяхъ, въ карикатурности образовъ, въ томъ, что на радужѣ съ изображеніемъ темныхъ сторонъ жизни авторы не порывались чистотой свѣтлымъ и яркимъ явленіями. Очевидно, требованія эти не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ это не входило въ задачу писателей и не имѣло прямого отношенія къ идеѣ произведенія.

Такія-же объясненія могутъ пасть и на новую драму г. Чехова. Лѣва, окружающія главнаго героя драмы, Иванова, съ известной точки зрѣнія могутъ показаться монстрами, отбросами современной русской дѣйствительности. Старикъ Лебедевъ, утопавшій въ водѣхъ свои молодости честныя стремленія, супруга его, Зинаида Савишнина, — расточившій въ юбѣхъ, венскій врачъ Львовъ, накутый своею прямолинейною честностью, молодая вдова Бабовава — образчики пошлой захолустной лѣвизны, акцѣнный Косыхъ, кромѣ игры въ карты ничѣмъ не интересующійся, управляющій вѣдѣи Иванова Воржикъ, поэтъ именитѣйшаго, — вотъ лица, въ среду которыхъ г. Чеховъ помѣстилъ центральную фигуру своего героя. Скажутъ и, разумнѣе, скажутъ справедливо, что не всѣ-же провинціальныя дѣтѣли похожи на людей, изображенныхъ г. Чеховымъ, что есть-же между нами люди дѣйствительно честные, искренно и съ любовью дѣлающіе свое дѣло. Конечно, но для г. Чехова изображеніе ихъ вовсе не обязательно. Г. Чеховъ, сколько

намъ кажется, вовсе не хотѣлъ представить передъ зрителемъ полную картину провинціальнаго захолустія со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами. Идея драмы его, на сколько мы ее поняли, заключается въ томъ, чтобы изобразить современное душевное настроеніе русскаго интеллигентнаго человѣка, волею судьбы заброшеннаго въ наши родины изъ чуждыхъ палестинъ, показать тѣ условія, среди которыхъ приходится ему осуществлять свои широкія стремленія, и тѣ послѣдствія, которыя являются результатомъ столкновенія его идеаловъ съ современной русской дѣйствительностью. Разумѣется, г. Чеховъ не Грѣбодовъ и не Гоголь, разумеется, драма его страдаетъ многими недостатками, но для насъ важно не это, — для насъ важно опредѣлить, реально-ли изображенное г. Чеховымъ явленіе и имѣетъ-ли оно право на обобщеніе.

Иванову около 35 лѣтъ; слѣдовательно, онъ принадлежитъ къ тому же поколѣнію, къ которому принадлежалъ покойный Гаршинъ, пѣвцомъ котораго былъ покойный Надсонъ; это то поколѣніе, которое начало развиваться подъ вліяніемъ освободительныхъ идей 60-хъ годовъ, которое въ молодости жило идеалами годовъ 70-хъ и которое на своихъ плечахъ выноситъ давленіе общественныхъ условій настоящаго времени. При разборѣ драмы г. Чехова этого забывать никакъ образомъ не слѣдуетъ. Это центр тяжести драмы, точка отправленія автора. Тѣ широкія общественныя задачи, гдѣ свѣтлые принципы правды и красоты, которые выработали себѣ Ивановы, тѣ молодые увлеченія, которыми они жили въ стѣнахъ университетовъ и академій, они повесили въ глухія закоулки нашего обширнаго отечества, одушевленные желаніемъ примѣнить ихъ къ жизни, облагодѣлывать ими своихъ несчастныхъ меньшихъ братьевъ. Дѣйствительная жизнь въ ея обратномъ-поступательномъ движеніи только разочаровывала ихъ. Директоръ гимназіи, въ рукахъ руководителей современнаго общественнаго настроенія, — столба отечества «Деруновъ», «уродъ-сердцевѣдѣй» Грацианова — превратившійся въ тяжелую дубину, болыю начала прогнѣваться по плечамъ наивныхъ мечтателей. Выразительница общества — текущая пресса, — за немногими исключеніями, поставила себѣ пѣвкомъ свѣтлѣйшій девизъ: «наше время — не время широкія задачі», бросила, какъ негодную ветошь, широкіе общественные идеалы и кинулась въ объѣмъ представи-

телиныи народившагося «откровеннаго направленія» — газетъ «чего изволите?»

Съ другой стороны, русская жизнь не могла еще выработать изъ русскаго интеллигента энергичнаго и упорнаго общественнаго борца. Во времена крѣпостнаго права, до сихъ поръ еще дающаго чувствовать намъ свою тяжелую руку, заурядный русскій интеллигентъ или фрондировалъ втихомолку, сидя въ своемъ кабинетѣ, или выработывалъ себѣ по нѣмешку книжкамъ отвлеченные идеалы истины, красоты, не примѣняя ихъ къ современной дѣйствительности, не пытаясь активно выступить на ихъ защиту. Освободительная эпоха 60-хъ годовъ, ликующая и жизнеудовольствія, промелькнула какъ кратковременный метеоръ и уже по одной своей непродолжительности не могла выдѣлать дѣлателей, за немногими исключеніями, способныхъ къ систематической и непрерывной общественной борьбѣ. Послѣдующая эпоха, эпоха страстной и ожесточенной борьбы двухъ противоположныхъ теченій общественнаго настроенія, окончившаяся жестокимъ поражениемъ по всему фронту такъ называемыхъ прогрессивныхъ партій и выдѣлила массу русскаго интеллигентныхъ людей, оскорбленныхъ въ своей святѣхъ, униженныхъ и доведенныхъ до отчаянія, переставшихъ вѣрить и въ свои силы, и въ торжество своихъ возлюбленныхъ идеаловъ. Вмѣсто активныхъ борцовъ русская дѣйствительность выработала людей, способныхъ лишь равнодушно гнѣбнуть в безрешетно умирать.

Мудрено-ли, что, при такихъ условіяхъ общественной дѣятельности, русскіе интеллигенты, отчаявшіеся въ возможности успешной борьбы, не допускающіе сдѣлать съ собою, кончатъ жизнь са-моубійствомъ, какъ кончалъ Гаршинъ, какъ дѣлаютъ Ивановы, разбросанные по лицу земли русскою? Мудрено-ли, что другіе Ивановы доводятъ себя до нравственнаго самоубійства, притупляя свою чувствительность въ ударамъ жизни, заглушая свои порывы непробуднымъ заносомъ? Мудрено-ли, что они становятся апатичными или до невозможности раздражительными, со злобою смотрятъ на (вои прошлыхъ безполезныя усилія, махнувши рукой на свои неудачныя попытки водворенія на землѣ правды? Какою злобною провѣнью надъ самимъ собой и надъ себѣ подобными звучатъ слова Иванова, обращенныя имъ къ доктору Львову: «Выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишней

звукотъ. Вообще, всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе тонъ, тѣмъ лучше. Поубавляй, не вояй, вы от одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ миллиончиками, не бейтесь лбомъ о стѣны... Запретите себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло»...

Намъ, людямъ провинціи, сверстникамъ и сотрудникамъ Ивановыхъ, ближе и понятнѣе та гамма ихъ нравственныхъ страданій, черезъ которую она добравается до самоубійства и запоя. Мы вочию видимъ, какъ тяжелая борьба съ несправдой и мракомъ то и дѣло вырываетъ изъ нашихъ рядовъ нашихъ друзей и братьевъ, и мы даже лишены часто возможности влиять на процессъ: «сожмись!» Мы никогда не позволимъ себѣ бросить имъ въ лицо слово «рене-гаты», потому что они не измѣнили своимъ убѣжденіямъ, а глубоко несчастные люди, заслуживающіе не укора, а состраданія и поддержки. Удары, обрушившіеся на Ивановыхъ, мы принимаемъ на свои собственные плечи и очень хорошо чувствуемъ ихъ тяжеловѣсность.

Намъ кажется вообще, что драма г. Чехова не совсѣмъ такъ понимается нашей критикой, какъ бы слѣдовало. Спрашивается, наприхирь, что это за мѣшкы такіе, которые звалили себѣ на плечи Ивановы, да и надорвались; развѣ можно назвать мѣшками гимназію, университетъ, хозяйство, школы, проекты? вѣдь тысяча людей тоже дѣлаютъ, но не нахрыываются; заграницей адептаторы больше работаютъ, а спины тамъ не трескаются. Какая же причина нравственнаго переутомленія Ивановыхъ?

Ясное дѣло, что гимназія, университетъ, школы, проекты и т. п. сами по себѣ не составляютъ тѣхъ мѣшкочъ, отъ которыхъ треснула спина Иванова. Но, повторяемъ, тѣ общественныя условія, среди которыхъ русскому интеллигентному человѣку приходится проходить науку общественной жизни, эта борьба «въ одиночку», безъ поддержки, безъ подпо-токи въ ней, — вотъ то непосильное бремя которое накрываетъ спину Ивановыхъ, заставляетъ ихъ беззащитно гибнуть *).

*) Кстати, маленькое отступление: г. Соверцаловъ, критикуя «Русск. Богатства», недоумѣваетъ, почему г. Чеховъ далъ въ жемъ Иванова еврейку. Мы, съ своей стороны, видимъ въ этомъ очень тонкую общественно-психологическую подробность, рѣшающую типъ Ивановыхъ. Въ 70-хъ годахъ, когда была свободнѣе доступъ женщинамъ на медицинскіе, юридическіе и другіе курсы, среди учащихся жен-

Слѣдуетъ-ли отчаиваться? Слѣдуетъ-ли ставить крестъ надъ желаніями и стремленіями Ивановыхъ и сдѣлать на немъ надпись, какъ налѣ пратами Дантова ада: «оставь всякую надежду»? Должны-ли мы въ безсильіи послѣднѣе, какъ Гете шерсть смертю: «свѣта! больше свѣта!»

Много Ивановыхъ, но не всѣ. Мы видимъ, хотя и сильно изорѣданные, ряды честныхъ и смѣлыхъ борцовъ, бодро выдерживающихъ натискъ противниковъ. Пока они есть, надежда еще не потеряна. Да и сами Ивановы въ своихъ отчаянныхъ исканіяхъ торжества правды, заронила глубоко сѣмена ея въ души молодыхъ, идущихъ на свѣтъ нѣтъ, силъ. Въ той-же драмѣ г. Чехова, какъ яркая оговорка среди мертвцаго, холоднаго мрака, блещетъ и грѣетъ своею жизнью, дѣлательной любовью восторженная поклонница Иванова — Шурочка Лебедева.

Наконецъ, не надо забывать, что на арену общественной дѣятельности только еще начала выступать грядущая, неочечная сила — русская интеллигентная женщина. 10—15 лѣтъ тому назадъ молодыя женщины в дѣлушии широкую волну кинулись въ открытому изъ источни-ку знанія, твердо побѣждая преграды въ нѣхъ семейныхъ и общественныхъ предрассудковъ. Теперь, какъ врачи, учительницы, феліштерны, онѣ несутъ свои знанія, освященные ихъ теплымъ, любящимъ сердцемъ, во всѣ глухія уголки нашего отечества; облагораживающее вліаніе ихъ натуры сматываетъ жестока и грубая проявленія современной дѣйствительности; воспитательница грядущаго поколѣнія, онѣ сумѣютъ вдохнуть въ него «душу живу» и сдѣлаютъ изъ него честную общественную силу.

Явтся поэтъ, который въ художественныхъ образахъ изобразитъ переживаемую теперь нами эпоху, и тогда мы поймемъ всю духовную красоту и мощь русской интеллигентной женщины!

В—.

щину появлялась масса евреекъ, благодаря своимъ національнымъ особенностямъ, игравшимъ видную роль въ кружкахъ тогдашняго молодежи. Мы помнимъ очень много браковъ между русскими и еврейками. Ивановъ, какъ незаурядный человѣкъ, весьма естественнѣе, могъ жениться на еврейкѣ. Что касается этихъ женщинъ, то мы лично много изъ нихъ знали и вспоминаемъ о нихъ съ величайшимъ уваженіемъ: идеалистки по натурѣ, онѣ въ корни разрывали съ своими прошлыми и шли туда, куда, по ихъ мнѣнію, призывали ихъ общественный долгъ.